

Стратегии
деонтологизации
категории «мужское» в
современной философии.

Дискурсивная стратегия:
практики устыжения в
социальном дискурсе
(Джудит Батлер, Сэджвик Ив
Кософски, Майкл Киммел).

Классический философский дискурс

Трансцендентное, внешнее, разумное, мужское - аксиологически приоритетные атрибуты.

Они продуцируют некую онтологическую, антропологическую и социальную норму.

Принципы онтологического дискурса накладываются на дискурс социальный, фиксируя между людьми невидимые, но непреодолимые границы.

Эталон человека —
разумный, активный мужской субъект, чье положение в
обществе ассоциируется с властью и выступает мерилom
нормативности.

Американский психолог Сандра Бем:
«выражение «власть мужчин» имеет конкретное
значение – это власть, которая исторически
принадлежала **богатым, белым, гетеросексуальным
мужчинам**»

Это о-предел-ение человека связано сразу с
несколькими **принципами оппозиционности**, а именно:
национальность, состоятельность, пол/гендер и
сексуальная ориентация.

Поэтому в невыгодном положении в распределении
общественных страт оказываются «не только женщины,
но также и **неимущие, цветные и сексуальные
меньшинства**» и сами мужчины.

Бинарное распределение социальных страт приводило и приводит к существованию определенных групп людей, общность которых рассматривается как отклонение от человеческой нормы.

Жизнедеятельность социального организма обеспечивается посредством «создания области де-авторизованных, несанкционированных субъектов, пре-субъектов, фигур презрения, населения, вычеркнутого из поля зрения».

При этом их **существование** является **необходимым** условием существования дуалистически обусловленной общественной системы, а, значит, и самой нормы.

Помещение индивида по тому или иному критерию в ранг социальной аномальности называется **практикой устыжения.**

Механизмы устыжения по Батлер:

«Дискурс нормы» и «дискурс стыда».

Queer (в пер. с англ. иной)

– это идентичность, рождающаяся в результате действия эффектов власти «сил подавления и сопротивления»

Человек маркируется в обществе как имеющий **анормальную (кривую, Queer) идентичность** посредством речевых (или дискурсивных) практик, целью которых является «устыжение субъекта через его наименование».

Выражаясь точнее, происходит не устыжение субъекта, а его производство посредством практик устыжения.

Бинарная оппозиционность, будучи базисом социальной стратификации, провоцирует субъективацию двух видов – нормального субъекта посредством «дискурса нормы» и **queer**-субъекта посредством «дискурса стыда».

Техника власти такова, что создание индивида, имеющего ущербную анормальную идентичность выносится за рамки дискурсивности, представляется предискурсивным.

Создается иллюзия того, что дискурс обнаруживает индивида, имеющего queer-идентичность, в то время как **дискурс** посредством устыжения, «заклучения в чулан» сам **создает queer-субъекта**, навязывая ему его анормальность в качестве организующего принципа.

Женственность

Практики устыжения производят женское как Другое мужского.

Женская субъективность как уникальная возможность выбирать или принимать свое объективированное положение.

Деконструкция женского субъекта открывает перформативную природу андроцентризма.

Таким образом, онтологический статус категорий «мужское» и «женское» трансформируется от эссенциального к перформативному.

Мужчиной и женщиной не рождаются, их роли исполняют в подвижном, но сохраняющем дуальную структуру спектакле западно-европейской социальности.

«Здесь-данный», конкретный человек — он или она, не в смысле сущности, а в смысле «существования в становлении своего гендера» (де Бовуар).

Раскрытие дискурсивной природы дихотомии мужское/женское переводит разговор о человеке, человечности и социальности в перспективу раскрытия множества сопутствующих идентификаций.

Одной из главных социальных оппозиций, базирующихся на дихотомии мужское/женское является оппозиция нормальной/анормальной сексуальности

Д. Батлер: анализ дискурсивной природы гендера/пола не может быть адекватным без учета тех социальных практик, посредством которых определенный индивид осуществляется, становится как представитель той или иной сексуальной ориентации.

Гендер – игра, которая «регулируется властным гетеросексистским дискурсом».

Фундированная этой дихотомией **гетеросексуальная субъективность** рассматривается как **безусловная ценность и норма**, в противовес субъективности гомосексуальной.

Данная логическая схема обусловлена, так называемой, «**принудительной гетеросексуальностью**», политикой подавления или вытеснения гомосексуального за рамки социальной нормы, производством гомосексуального субъекта посредством «дискурса стыда».

Так же, как дихотомия мужское/женское держится на мнимом существовании единого и непротиворечивого мужского (или женского) субъекта, дихотомия сексуальной идентичности полагает гетеросексуальное желание необходимой составляющей нормальной гендерной (половой) идентичности, то есть предполагает существование гетеросексуального субъекта..

««Единство» гендера представляет собой результат регулятивной практики, которая посредством принудительной гетеросексуальности стремится воспроизвести универсальную форму гендерной идентичности».

Индивид имеет право артикулировать только то сексуальное желание, которое соответствует совершенно определенным параметрам его гендерной идентичности.

Эта легитимирующая и исключаящая взаимосвязь и определяет тот порядок социальности, который Д. Батлер характеризует как «принудительный порядок пола/гендера/желания**».**

ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНЫЙ ГЕНДЕР

Гендерная идентичность, характеризующаяся «внутренней согласованностью» и «целостностью личности», представляет собой не опытную данность с фиксированными реальными свойствами, но социально сконструированный эталон, поддерживаемый нормами интеллигивельности.

Под «**интеллигивельностью**» Д. Батлер понимает некое условие, посредством которого производится и сохраняется **согласованность между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием.**

Нормативная природа интеллигивельного гендера обнаруживается посредством анализа существования таких индивидов, жизненные практики которых не реализуют единство и согласованность пола/гендера/желания, то есть не вписываются в регулятивную схему бинарных оппозиций

Д. Батлер: «само понятие «личности» ставится под вопрос появлением в культуре таких существ, которые кажутся личностями, но которым не удается соответствовать гендерным нормам культурной интеллигибельности, определяющим понятие личности»

Эти существа на первый взгляд «выпадающие» из общей схемы становления гендерной идентичности на самом деле также имеют дискурсивную природу, поскольку их аномальность поддерживает бинарный принцип гендерной схематизации как таковой.

То есть в становлении аномальной (в данном случае не гетеросексуальной) идентичности формирующими выступают все те же практики устыжения и исключения, что работают в становлении классической гендерной дихотомии мужское/женское.

Эти «призраки прерывности и несогласованности» производятся и запрещаются тем же самым дискурсом нормальной гендерной интеллигибельности.

Само существование индивидов с аномальной (несогласованной) гендерной идентичностью раскрывает репрессивную природу гендерной схематизации.

«Действительно, именно потому, что некоторые типы «гендерных идентичностей» неспособны соответствовать тем нормам культурной интеллигибельности, они оказываются внешними по отношению к культурному полю ошибками развития или логическими парадоксами. Как бы то ни было, их живучесть и распространение дает критике возможность разоблачить границы и регулятивные цели этого поля и, как следствие, раскрыть заложенные в понятиях этой матрицы интеллигибельности соперничающие и разрушительные матрицы гендерного хаоса»

«Гендерный хаос» возникает из анализа деструктивной возможности, заложенной в самой **связи пола/гендера/желания**, то есть в самой схеме интеллигибельности.

Если быть (становиться) мужчиной/женщиной означает желать представителя противоположного пола/гендера и стремиться к реализации этого желания в соответствующих практиках, характеризующихся определенным порядком гетеросексуальности, то **опрокидывание порядка гетеросексуальности ставит под вопрос и существование пола/гендера.**

Категория пола «рассеивается при разрыве или сдвиге гегемонии гетеросексуальности» поскольку сама является своеобразным **знаком сексуальности**, маркирующим каждое тело в социуме для того, чтобы его можно было включить в общий порядок принудительной гетеросексуальности или исключить из него.

Джудит Батлер обращается к точке зрения Мишеля Фуко, который *«утверждает, что категория пола, предшествующая всем определениям сексуального толка, сама является исторически сформированной специфической формой сексуальности»*

Бинаризирующий дискурс производит категорию пола в качестве адискурсивного основания или эссенциальной «причины» сексуальности, понуждающей индивида проявлять себя **«соответственно своей сущности»**, то есть как мужчина (желая и добиваясь женщину) или как женщина (желая мужчину и уступая ему).

Таким образом, пол выступает как скрытый (мнимо адискурсивный) механизм направления сексуального опыта, и именно поэтому разоблачение одного приводит к выявлению сконструированной природы другого.

Андроцентризм, равно как гетеросексизм, возможны лишь при господстве убеждения в эссенциальной адискурсивной природе пола/желания.

Денатурализация пола/желания раскрывает эти феномены в качестве **грандиозного культурного перформанса, который формирует, «присочиняет» субъектов** пола/желания для репрессивного обеспечения собственной гегемонии.

Таким образом, гендерная идентичность «перформативно конституируется теми ее «проявлениями», которые считаются результатами ее существования»

Итак, гомо идентичность представляется в дуальном социальном дискурсе несогласованной и аномальной.

Эта аномальность фундируется существованием некой дискурсивной нормы, а именно **нормы интеллигидельного гендера**.

Какие перспективы имеет индивид, принявший «устыженную субъективность» в качестве своей гендерной идентичности?

Во-первых, как замечает Сэджвик Ив Кософски, раскрытие культурной обусловленности феномена вовсе не облегчает возможное или желаемое освобождение от ее репрессивного воздействия.

В классической дихотомии культурное/природное первый элемент не является в какой-либо степени **более подвижным, «легким»**, чем второй.

«Я помню тот радостный энтузиазм, с которым феминистские исследовательницы приветствовали открытия друг друга, подтверждающие, что та или иная brutальная форма угнетения оказывалась не биологической, а «всего лишь» культурной! Я всегда задавалась вопросом, откуда берется это оптимистическое представление о податливости культуры какой-либо группе или программе»

Само сопротивление универсализирующей гендерной схематизации, возможно, является частью этой программы, «высвечивающей» властные установки ее подавляющей гегемонии.

Во-вторых, «устыженная субъективность» или гендерная идентичность, как продукт описанных выше механизмов соотнесения конкретных сексуальных практик с нормой интеллигибельного гендера, **не является** лишь **внешней схемой**, налагаемой политическим дискурсом на другую «истинную субъективность», которую первая якобы угнетает и девальвирует.

Субъективность является внутренним само осознанием индивида, а, следовательно, пронизывает разнообразные сферы самопонимания, само презентации в социуме, представлений о своей соотнесенности с иными родами реальности.

Субъективность определяет самостийность индивида, а, значит, **«устыженная субъективность»** формирует индивида как носителя совершенно своеобразного, по выражению Кософски, **«чуланного» менталитета.**

В рамках этой ментальности неотъемлемыми являются такие черты, как **осознание своей аномальности** и отчаянное **желание ее преодолеть** посредством **раскрытия** или **сокрытия** своей субъективности.

Как отмечает Кософски, «даже на индивидуальном уровне, среди самых открытых геев найдется очень мало тех, кто не скрывает намеренно свою ориентацию от людей, значимых для них в личном, экономическом или институциональном смысле... Любое столкновение с новыми людьми, будь то новые одноклассники, тем более новый начальник, социальный работник, банковский клерк, домовладелец, врач, создает вокруг него непроницаемый колпак, тяжесть которого, а также его оптические и физические свойства требуют новой предусмотрительности, новых расчетов, новых усилий и действий для соблюдения секретности или же ее раскрытия»

Гомо идентичность сопряжена с еще **большей репрессивностью**, чем женская субъективность, поскольку отождествление женского с постоянной привлекательностью для мужского избавляет женщин от обязанности дополнительно информировать окружающих о своей «устыженной субъективности».

Женщина «носит» свою гендерную маркировку непрерывно в артикулирующих знаках телесности: походке (сформированной ношением определенной обуви), жестах (сформированных посредством поощрения изящности), лице и руках (пропитанных разнообразными косметическими средствами) и т.п.

Однако и те и другие своей репрезентацией только подчеркивают безусловность социальной нормы мужского/гетеросексуального.

Маргинализованный маскулинность.

Дискурсивный порядок пола/гендера/желания поддерживается социальным страхом.

Боязнь оказаться вне нормы интеллигентного гендера создает дополнительную мотивацию для артикуляции индивидом своей реальной или мнимой дистанцированности от устыженных субъективностей.

Но больше всего, как это ни парадоксально, «страх стыда» и «стыд страха» пронизывает тех индивидов, субъективность которых конституируется в качестве нормальной.

В своей работе «**Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности**» известный американский социолог Майкл Киммел постулирует гомофобию едва ли не самым важным механизмом формирования мужской/гетеросексуальной идентичности

Причина этой влиятельности гомофобии касается неоднородности в практиках становления мужчиной, а именно: не каждый обладатель мужской гендерной идентичности может претендовать на репрезентацию нормальной (интеллигивельной) мужественности.

Сила, ум, физическое развитие, способность контролировать ситуацию – все эти черты на самом деле определяются посредством **отрицания**, это черты не свойственные женщинам и по этой причине отличающие настоящего мужчину от подделки.

Настоящий мужчина – **не женщина**, а, значит, он тот, кто может и должен утверждать свое отличие посредством **обладания женщиной**, посредством демонстрации своей **гетеросексуальности**.

Этот конститутивный для мужского императив гетеросексуальности является одновременно причиной неперестанного глубинного страха, основа которого коренится в постоянной возможности не продемонстрировать, не осуществить свою гетеросексуальность или осуществить и продемонстрировать ее неверно и противоречиво, вызвав тем самым подозрения в подлинной природе своей маскулинности.

Таким образом, *«мужественность становится растянувшейся на всю жизнь попыткой продемонстрировать факт ее достижения»*

По меткому выражению **Кеннета Уэйна**, *«любой встреченный вами мужчина обладает рейтингом или оценкой самого себя, с которой он никогда не расстается и которую он никогда не забывает».*

В повышении этого рейтинга большую роль играют женщины, они становятся своеобразной «валютой», накопление и демонстрация которой поддерживает мужчину на пути завоевания положенной ему социальной гегемонии.

Перформанс гетеросексуальности становится главной целью маскулинности.

Однако невозможно достичь того желанного момента, начиная с которого доказательства уже не нужны и мужская идентичность окончательно сформирована в качестве «настоящей**» и ни у кого не вызывает сомнений.**

Недостижимость эталона является залогом продолжения бесконечной напряженной драмы завоевания статуса подлинной маскулинности, **доказательства недоказуемого**

МУЖСКАЯ СУБЪЕКЦИЯ

Маскулинность представляется перформансом, субъективирующим **гегемонную маскулинность** в качестве мнимо достижимой цели и **ущербную маскулинность** в качестве устыженного субъекта, самосознание которого наполнено **страхом и стыдом**.

«Страх, - пишет М. Киммел, - заставляет нас стыдиться, ибо признание страха в самих себе доказывает нам самим, что мы не столь мужественны, как это представляем... Наш страх - это страх быть униженным. Мы стыдимся бояться. Стыд ведет к молчанию - молчанию, которое побуждает других людей думать, что мы действительно одобряем все то, что совершается в нашей культуре по отношению к женщинам, к меньшинствам, к геям и лесбиянкам».

Таким образом, благодаря социальному страху, в конечном счете, поддерживается та самая модель гетеронормальности, которая в дискурсивном режиме продуцирует социальный страх.

Субъективирующая роль данной модели проявляется **двумя** основными **механизмами**: **практики нормативности** и **практики устыжения**.

Первые постулируют **социальную норму интеллигбельного гендера**, недостижимую в полноте по причине своей **перформативности**.

Перформативность есть **процесс демонстрации необходимых признаков нормы**, он не предполагает возможным конечное обладание этими признаками.

Вторые же субъективируют **анормальную идентичность**, создавая самосознание женской субъективности, гомо идентичности и маргинализированной маскулинности.

Существование «устыженных субъективностей» необходимо для поддержания дуалистической структуры общества.

Индивиды, принимающие такой тип идентичности, обречены как на второстепенное положение в обществе, так и на совершенно определенные проявления насилия (морального и/или физического), удерживающие их в этом положении

С другой стороны, социальное насилие распространяется и на внутренние процессы самоосознания и самопонимания «устыженных субъектов», поскольку последние становятся обладателями **«чуланного менталитета», понизывающего их жизнь страхом и стыдом.**

Генеалогия устыжения, таким образом, открывает подавляющую понизанность социального дискурса техниками бинаризирующей субъекции, высвечивающей фундаментальную зависимость субъектов нормы и субъектов устыжения от дискурса.